

В.А. Костенич

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ РАЗМЕРНОСТИ ДИОГЕНОВСКОГО ВОПРОШАНИЯ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БЫТИИ

Возможно, культурно-исторически и историко-философски, антропология, как раздел философского дискурса, начинается с того момента, когда античный философ Диоген, бродя со свечой в руках по улицам родного города, «искал Человека». Искал, среди безликого множества «людей», формально полагавших, что «бытие человеком» априорно предзадано им самим «фактом обитания», в так называемом «человеческом мире».

В этой связи сократовский призыв к человеку «Познай самого себя!» оказывается всего лишь декларацией о намерениях, которые еще должны быть экзистенциально верифицированы каждым отдельным человеком.

Как представляется, можно выделить несколько смыслообразующих «факторов человеческого бытия», способных «задеть» человека вопрошанием о «подлинности» его «присутствия в бытии» и побудить всмотреться в лицо собственной «уникальности». Обозначим некоторые из анонсированных «факторов».

Прежде всего, это то, что в психоаналитической литературе принято квалифицировать как «травму рождения». Человек-обыватель, практически, не драматизирует то обстоятельство своего бытия, согласно которому каждый человек «заброшен в бытие» не по своей воле и,

следовательно, изначально оказывается лицом, «обреченным» на «производность» от предъявляемых ему человеческой культурой традиций, моральных долженствований и политэкономических детерминаций. У человека-обывателя, как бы отобрано, «авторство в бытии».

Более того, драма человеческого существования окрашивается в трагические тона при осознании нами того, что мир «полон случайностей» и «ничто не вечно под луной». Так как человеческому бытию (всегда!) угрожает разного рода «небытие», символизируемое бифуркациями случайностей и песочными часами нашей «предсмертной временности», человеку навязывается вопрос о его сущностном предназначении и миссии в бытии всего сущего.

Наконец, каждому человеку необходимо тревожиться по поводу того, что его контакты с другими людьми всегда представляют собой «минное поле», чреватое сократовскими соблазнами «соблазнить чужую свободу» и тем самым навлечь на себя «обструкции одиночества», обусловленные безответственным отсутствием нетривиального искусства «ладить с достоинством других людей».

Таким образом, искомая подлинность человеческого бытия, возможно, складывается из способности человека доказывать, что «мир без нас неполон», что мы готовы абсолютно (творчески и ответственно) «вкладываться» в каждый эпизод и артефакт нашего существования, перед лицом «свободы самоопределения» (на то же самое) всех остальных людей!